

Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович

Уральские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Д53

Д53 **Дмитрий Наркисович М.**
Уральские рассказы / Мамин-Сибиряк Дмитрий Наркисович – М.: Книга
по Требованию, 2026. – 57 с.

ISBN 978-5-519-95165-4

Содержание Том 1 "В худших душах"; Башка; Отравка; Гроза; На Шихане;
Летные. Том 2 Бойцы; Золотуха Том 3 Поправка доктора Осокина; Первые
студенты; Из уральской старины; Родительская кровь; Лес

ISBN 978-5-519-95165-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

номъ, а маленькіе сѣрые глазки смотрѣли воспаленнымъ взглядомъ.

— Хоть-бы чортъ принесъ кого-нибудь,—проворчалъ Башка, поглядывая на отворяющуюся и затворяющуюся дверь кабака.—Этакая мерзость!

Непогодъ гнала народъ въ „Плевну“, но это все были чужіе: извозчики, отставные солдаты, мужики съ базара, нѣсколько мастеровыхъ. Они вносили съ собой комья грязи на ногахъ, отряхивали снѣгъ съ шапокъ, ругались и подходили къ стойкѣ Ваньки Каина, который не успѣвалъ сегодня поворачиваться, наливая стаканчики изъ толстаго пузыристаго стекла. Водка выпивалась, слышалось здоровое кряканье совсѣмъ прозябшихъ людей, на стойку сыпались пятаки, а потомъ долго прожевывалась захваченная съ собой закуска. „Ухъ, студено!“—кричалъ приземистый, плотный извозчикъ, отворачивая полу своего кафтана, чтобы достать кисетъ съ деньгами. Онъ какъ-то особенно аппетитно опрокинулъ себѣ въ ротъ стаканчикъ водки, закрылъ глаза и однимъ глоткомъ покончилъ всю церемонію. Башка старался не смотрѣть на эту картину, но это не мѣшало ему чувствовать каждый глотокъ водки, разливавшій блаженную теплоту. Ванька Каинъ казался какимъ-то необыкновеннымъ капельмейстеромъ, который разыгрывалъ цѣлую оперу.

„Нѣтъ, чтобы предложить опохмелиться... ну какой-нибудь стаканчикъ,“ — съ тоской думалъ Башка, и ненависть къ Ванькѣ Каину нѣсколько парализовала ломавшее его жестокое похмелье.— „Этакая падривая каинская рожа!.. Вѣдь, расчи-

тался бы послѣ. У! дьяволъ... И какъ на зло никого нѣтъ: ни Хохлика, ни Корнилыча, ни Трубы“.

Кабакъ „Плевпа“ былъ изъ привилегированныхъ и находился почти въ центрѣ города, въ глухомъ переулкѣ, который шелъ отъ Хлѣбнаго рынка. Прямо изъ сѣней дверь вела въ большую полутемную комнату со стойкой Ваньки Каина въ глубинѣ; это собственно и былъ кабакъ; изъ-за стойки маленькая дверца вела въ каморку самого сидѣльца, а другая дверь изъ кабака вела въ двѣ слѣдующія комнаты, предназначенныя для публики почище, собственно для кабацкихъ завсегдатаевъ въ родѣ Башки. Эти завсегдатаи рѣдко останавливались передъ стойкой, а проходили дальше и прокладывались уже въ своей компаніи. Случайные посетители и мужичье толклись обыкновенно въ первой комнатѣ или сидѣли на широкой грязной лавкѣ, поставленной вдоль всей передней стѣны. Теперь собственно была полна только эта первая комната. Но музыкальное, чуткое ухо Башки уже поймало знакомые, торопливые шаги въ сѣняхъ: это, безъ сомнѣнія, былъ онъ, Корнилычъ. Въ растворившихся дверяхъ показалась сгорбленная юркая фигурка въ пиджакѣ и фуражкѣ; раскланявшись съ Ванькой Каиномъ, она быстро исчезла въ сосѣдней комнатѣ, куда поплелся и Башка.

— Едва ушелъ...—торопливо рассказывалъ Корнилычъ, моргая своими рысьими глазками.—Всего двѣ партіи сыгралъ на биліардѣ, подвинулъ двѣнадцатаго шара рукавомъ, ну, меня и взбрили. Въ бокъ здорово саданули кулакомъ... Ну, а ты? Вижу, вижу... Эхъ, скверно!..

Корнилычъ запустилъ руки въ карманы брюкъ и забѣгалъ по комнатѣ маленькими шажками, какъ ходятъ трактирные половые; на его пиджакѣ мокрыми отпотинами обозначались остатки мокраго снѣга, а плечи просто дымились отъ пара.

— Нѣтъ, Ванька-то... а? Каковъ подлецъ?!— громко проговорилъ Башка, останавливаясь посрединѣ комнаты въ самой трагической позѣ.— Вѣдь видитъ, шельма рогатая, какъ живаго человѣка кочевряжить, и хоть бы какой наперстокъ...

— Это ты напрасно, Башка,—уговаривалъ Корнилычъ. — Гдѣ же насъ всѣхъ поить даромъ? А безъ Ваньки куды бы мы? Пропадай, какъ червь.

Башка крѣпко выругался, но долженъ былъ согласиться съ Корнилычемъ, который всегда и всѣхъ оправдывалъ и даже на самого себя смотрѣлъ какъ-то со стороны. Лицо у Корнилыча было бойкое, всегда измятое и всегда добродушное: остриженные щеткой волосы дали поводъ называть его въ своей компаніи „ерошкой“. Онъ былъ замѣчательный мастеръ разговаривать и знакомиться съ кѣмъ угодно и былъ самымъ необходимымъ человѣкомъ въ хорошей компаніи.

— Ну, а снѣгъ?—спросилъ Башка, что-то соображая про себя.

— Снѣгъ? Подлецъ, а не погода... такъ и лѣпить. Мнѣ за воротникъ сколько насыпало.. бррр... У тебя покурить нѣтъ? Ну, не надо...

Ерошка наслаждался теперь и ъхватившей его теплотой гнилаго кабацкаго притона, и сознаніемъ собственной безопасности. Эти грязныя, покосившіяся стѣны, избитый точно въ конюшнѣ полъ,

пропитанная специфическими кабацкими мiasмами атмосфера,—все ему было дорого и мило; Ерошка съ удовольствіемъ потянулъ въ себя промозглую струю воздуха, прохваченную запахомъ грязи, дегтя, гнилой кожи, мокраго платья, перегорѣлаго лука и сивушнаго масла. Нѣсколько распатанныхъ стульевъ и некрашеный деревянный столъ составляли всю меблировку этой привилегированной половины.

— А вотъ и наши здѣсь!—проговорилъ въ дверяхъ плечистый, приземистый мужикъ въ поддевку; рыжая борода и прищуренный косой глазъ придавали ему очень подозрительный видъ. — Ну и погодка!.. Мѣсилъ, мѣсилъ грязь, хоть бы одна шельма попалась. Ёсть до смерти хочется, братцы...

— У насъ табаку нѣтъ, а онъ: ёсть! — презрительно отвѣтилъ Башка, шагая по комнатѣ неровными шагами.—Хохлика не видалъ?

— Какъ не видалъ: у Хохлика тоже ненастье...

— Вотъ что, Труба, какъ бы намъ того... не пропадать же въ самомъ дѣлѣ?—заговорилъ Ерошка заискивающимъ голосомъ. — Сходи, братику, къ Каину, авось, разступится... а? Ты объясни ему... а?..

Труба почесалъ въ затылкѣ, еще сильнѣе прищурилъ свой косой глазъ и отрицательно покачалъ головой. Наступила тяжелая пауза, которой не нарушило даже появленіе Хохлика. Это былъ еще совсѣмъ молодой человѣкъ съ зеленовато-сѣрымъ лицомъ и глубоко ввалившимися глазами, горѣвшими лихорадочнымъ, чахоточнымъ блескомъ. Онъ молча сѣлъ въ уголокъ, поджалъ подъ себя ноги

и долго не могъ отдышаться послѣ скорой ходьбы. На всѣхъ напала минута тяжелаго унынія, какъ у людей, заблудившихся въ лѣсу. Въ такихъ исключительно критическихъ случаяхъ обыкновенно выручалъ Башка, отличавшійся дьявольской изобрѣтательностью, но сегодня и онъ повѣсилъ носъ, точно пришибленный. А изъ кабака доносилась настоящая мелодія довольнаго кряканья послѣ выпивки, звона стаканчиковъ и того кабацкаго галдѣнья, какое бываетъ только около стойки.

— Экъ ихъ взяло, подлецовъ!—глухо пробасилъ Башка, натягивая на свою голову заношенную, какъ блинъ, кожаную фуражку. — Ну, братцы, я схожу... подождите, можетъ, и выгорить что.

Когда высокая фигура Башки скрылась въ дверяхъ, всѣ какъ-то разомъ оживились и заговорили: „Ужъ Башка одно слово... Выручить! Да онъ изъ земли добудетъ, особенно ежели съ похмелья ломаетъ когда. Золотая голова!“ Даже Ванька Каинъ почувствовалъ угрызеніе своей каиновой совѣсти, когда мимо его стойки Башка прошагалъ съ самымъ мрачнымъ видомъ.

„По погоды-то надо бы стаканчикъ было подать,—думалъ Ванька Каинъ, проворно орудуя за своимъ прилавкомъ. — Ну, да больно зазнаваться сталъ, пусть не фордыбачить“.

Въ душѣ Ваньки Каина шевельнулася обидная мысль, что Башка третьяго дня облаялъ Акулину, его любовницу, которая жила съ нимъ въ каморкѣ. И всего-то дѣла было, что Акулина попросила Башку наставить самоварчикъ, такъ куды тебѣ—сейчасъ на дыбы, мы-ста образованные люди и

всякое прочее, а вотъ теперь, образованный чело-
вѣкъ, ступай-ка, помѣси грязь-то... Это даже со-
всѣмъ претолчно для тѣхъ, кто настоящаго по-
нятія не хочетъ имѣть и добра не помнить.

II.

Отчаянное положеніе выдавило въ головѣ Башки
мысль, которую онъ теперь несъ изъ „Плевны“
на самый конецъ города. Собственно, это было
послѣднее средство, на какое онъ рѣшался только
въ самыхъ критическихъ обстоятельствахъ.

— Э, чортъ съ ними!—ругался Башка, шагая
черезъ грязь.

А погода дѣлалась все отвратительнѣе. Холодъ
крѣпчалъ. Откуда-то налеталъ порывами пронизи-
вавшій насквозь вѣтеръ, который просто жегъ го-
лыя руки и спину. Хлопья мокраго снѣга смѣни-
лись сухой снѣжной пылью, тихо кружившейся въ
воздухѣ отдѣльными пушистыми снѣжинками въ
формѣ правильныхъ звѣздочекъ, иглъ и разныхъ
замысловатыхъ геометрическихъ фигуръ. Недавно
сплошная полоса грязи, заливавшая пропадинскія
улицы, теперь приняла самый обманчивый видъ,
и Башка постоянно ошибался, стараясь пробраться
поблагополучнѣе. Въ одномъ мѣстѣ онъ совсѣмъ
оставилъ свои опорки въ грязи и долго не зналъ,
что дѣлать съ ними. Грязь еще сохраняла въ себѣ
извѣстную теплоту, сравнительно съ верхнимъ
снѣговымъ налетомъ, который рѣзалъ ноги, какъ
ножомъ. Послѣ короткаго раздумья, Башка всу-
нулъ ноги въ полныя грязи опорки и зашагалъ
по деревянному тротуару. Отъ „Плевны“ ему было

нужно перекосить соборную площадь, потомъ обогнуть старый гостинный дворъ, а тамъ свернуть въ узкую Проломную улицу, гдѣ тонули въ грязи постоянные дворы. Сдѣлавъ съ полверсты по этой убійственной дорогѣ, Башка почувствовалъ непреодолимое желаніе вернуться подъ гостепріимный кровъ „Плевны“,—обычная энергія измѣнила даже его желѣзной натурѣ. Это былъ настоящій припадокъ малодушія, но Башка устоялъ противъ искушенія и только быстрѣе зашагалъ впередъ.

Скрестивши по-наполеоновски руки на груди, чтобы сохранить теряющуюся теплоту, и поднявъ плечи, чтобы защитить голую шею отъ попадавшего за воротникъ снѣга, Башка летѣлъ впередъ, какъ хорошій волкъ. Въ концѣ Проломной стоялъ кабачекъ Зобуна, въ который Башка иногда заходилъ, но теперь было не до него—до цѣли оставалось всего съ полверсты. Купеческіе каменные дома въ Пропадинскѣ были только въ центрѣ, затѣмъ во всѣ стороны расходились деревянные постройки, а на окраинахъ тянулись самыя жалкія лачуги, слѣпленные кое-какъ изъ разной дряни, какъ ласточкины гнѣзды. За Проломной, на самой окраинѣ, какъ исключеніе, стоялъ большой каменный домъ гуртовщика Ломотина; сюда и держалъ свой путь Башка. Разбогатѣвшій мужикъ Ломотинъ недавно умеръ, и сегодня шелъ девятый день, слѣдовательно, должна была быть богатая подачка нищей братіи. Башка не безъ основанія рассчитывалъ кое-что получить здѣсь, хотя къ такому нищенству прибѣгалъ только въ самомъ безвыходномъ положеніи, какъ сегодня.

Около ломотинскаго дома уже собралась порядочная кучка нищихъ. Когда Башка подходилъ къ ней, въ воротахъ появился мордастый дворникъ; онъ загородилъ калитку жердью и началъ пропускать подъ нее во дворъ по одному человѣку. Нищая братія однимъ сплошнымъ шевелившимся комомъ лохмотьевъ наперла на калитку и брала приступомъ каждый вершокъ. Слышалась хриплая ругань, бабій визгъ и тяжелые вздохи. Башка оставился позади всѣхъ и терпѣливо ждалъ своей очереди пролѣзть подъ жердью, перегораживавшей калитку; онъ чувствовалъ особенное отвращеніе къ этой грязной сволочи, потерявшей всякій образъ и подобіе Божіе, потому что и въ самомъ паденіи своемъ чувствовалъ себя неизмѣримо выше этого человѣческаго хлама. Нѣкоторыхъ онъ зналъ. Вотъ, напримѣръ, этотъ сѣдой сгорбленный старичекъ, который особенно назойливо пробивался впередъ; онъ когда-то служилъ въ земскомъ судѣ, занималъ видное мѣсто и во время своей славы раскуривалъ трубку кредитками, но спился съ круга и теперь жилъ подаяніемъ. За нимъ держался смуглый бритый мужчина; этотъ славился какъ прежній богачъ, умѣвшій промотать доставшееся ему наслѣдство въ пятьдесятъ тысячъ. Далѣе слѣдовалъ рядъ совершенно темныхъ личностей, собравшихся сюда Богъ знаетъ изъ какихъ трущобъ; особенно были подозрительны женщины-побирушки, съ обрюзгшими, измятыми лицами и злыми глазами. Это все были специально нищіе, промышлявшіе сборомъ подаянія по домамъ, на рынокъ, по церковнымъ папертямъ и шмыгавшія по всѣмъ помин-

камъ въ богатыхъ купеческихъ и чиновничьихъ домахъ. Для нихъ лохмотья и заплата служили средствомъ существованія, какъ вывѣски какого-нибудь цехового мастера; гдѣ кончались лохмотья и гдѣ начинался челоуѣкъ, трудно было разобрать; люди здѣсь превращались въ живыя лохмотья, заплата и прорѣхи.

Башкѣ пришлось прождать битый часъ въ этой толпѣ, и онъ совершенно околѣлъ, напрасно стараясь согрѣться переминаніемъ съ ноги на ногу. Живая теплота живого тѣла оставила его; у Башки начинали стучать зубы, и онъ почувствовалъ особенную ненависть къ жирному и брыластому дворнику, который нарочно медлилъ, пропуская очередныхъ, и нѣсколько разъ начиналъ переругиваться съ нищими жиденъкимъ теноркомъ.

— Отпачивай назадъ, пѣхота! — кричалъ дворникъ, защищая входъ своимъ толстымъ брюхомъ въ бѣломъ фартукѣ. — Я вотъ скажу Анфусѣ Парфеновнѣ, такъ она васъ всѣхъ метлой отселева...

— А ты не больно шеперся, не великъ въ перьяхъ-то! — огрызалась какая-то шустрая старушонка съ птичьимъ лицомъ. — Не къ тебѣ пришли...

— Разговаривай! — лѣниво протянулъ дворникъ. — Вонъ она, Анфуса-то Парфеновна, сама на крыльцѣ-то стоитъ.

Наконецъ, наступила и очередь Башки. Онъ уже держался одной рукой за палку, ожидая своей очереди и стараясь не глядѣть на дворника, который его просто возмущалъ всей своей фигурой, какъ голоднаго волка возмущаетъ сытая собака. Вмѣстѣ

съ тѣмъ, Башка испытывалъ тяжелое чувство униженія и еще больше сердился на ни въ чемъ неповиннаго дворника, котораго 'съ удовольствіемъ перекусилъ бы пополамъ. Отъ нечего дѣлать онъ разсматривалъ внутренность богатаго двора, усыпаннаго желтымъ песочкомъ, съ крѣпкими службами назадъ, съ цѣпной собакой у амбара, съ привязанной у столба великолѣпной лошады, заложенной въ лакированный экипажъ; налѣво былъ подъѣздъ съ стекляннымъ фонаремъ; въ этомъ фонарѣ, защищенная отъ вѣтра и снѣга, стояла сама Анфиса Парфеновна въ лисьей шубѣ и степенно давала каждому его пай милостыни, лѣниво повторяя одну и ту же фразу: „Помолись, миленькій, за раба Божія Симеона и сродниковъ“. Около купчихи толклись какія-то двѣ старушонки въ темныхъ платочкахъ съ глазками.

— Пролѣзай! — крикнулъ дворникъ на зазѣвавашагося Башку.

Башка согнулся, чтобы пролѣзть подъ жердью, но въ этотъ моментъ мимо него головой впередъ рванулась какая-то бабенка съ подбитымъ глазомъ и чуть было не предупредила его, но Башка вовремя схватилъ ее за шиворотъ и отбросилъ назадъ, какъ тряпицу.

— Куда, фигура, прешь? — ворчалъ онъ, уже шагая къ крыльцу.

Получивъ подаваніе и крѣпко сжавъ деньги въ кулакъ, Башка зашагалъ въ другой конецъ двора, куда выпроваживалъ нищую братію высокій кучеръ въ кожаномъ кафтанѣ. Чтобы не было напрасной давки, нищихъ выпускали изъ двора дру-